

20.492к

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--

З ТМО Г. 2 млн. З. 1993—86

~~1098039~~

кр 20.492

91

-- 2010

Арестантское

По настоящему реестру 1915 г. № 8
1916 г. 3

СУДЕБНАГО СЛѢДОВАТЕЛЯ

ВЛАДИМИРСКАГО

ОКРУЖНАГО СУДА

ПО ВАКЦІЙНИМЪ ДѢЛАМЪ

СЛѢДСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

*В назначенный месяц
раскормить на вышесказанную заставу
всех 10 лошадей 1915 года в сарай
Иванова Романа Ивановича
в 12 часов дня 1916 года*

Начальник Кухарев 10 / дня 1915 года.

Следователь Федоренко 29 / дня 1916 года.

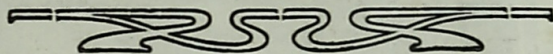
Ивановская
областная
библиотека

Настоящее издание напечатано в типографии
Ив.-Вознесенского и Кинешемского Райсоюзов
Кооперативов имени В. И. Ленина в Кинешме
≡ Гублит № 1251. ≡ Тираж 25000 экз. ≡

10

Главным историческим материалом для этой брошюры являются четыре тома следственной производств, которое названо было делом „О нападении толпы рабочих на воинскую заставу 10 августа (стар. стиля) 1915 года в городе Иваново-Вознесенске“. Дело хранится в книжном архиве Истпарта Иваново-Вознесенской Губкома Р. К. П.

Нами сфотографированы и приложены к тексту некоторые страницы этого «дела», а именно: обложка и протоколы осмотра вещественных доказательств. Кроме того, в тексте даны нами из того же «дела о нападении» точные копии некоторых больничных скорбных листов, врачебного осмотра расстрелянных,—копия переписки о потерях в личном составе и друг. документы из «дела».

ТАК БЫЛО В 1915 ГОДУ.

ОНИ ШЛИ МИРНО-ИХ ВСТРЕТИТЬ СЛУЖИЛИ.
ОНИ ПРОСИЛИ МИРА — КТО ОБЪЯВИЛ ВОЙНУ,
ОНИ ОТВЕЧАЛИСЬ СО СВОИМИ — ИМ ОТВЕТИЛИ БОИЩОМ.

ТАК БЫЛО ЕЩЕ ЦАРЬ ФАБРИКАНТАХ И ПОМЕЩИКАХ,
ДА БУДЕТ ПРОКОЛЯТ СТАРЫИ СТРОИ!
ДА ЗАРАДСТВУЕТ ДИКТИТУРА РАБОЧИХ!
ДА ЗАРАДСТВУЕТ СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОИ, СЧАСТЛИВОИ ЖИЗНИ!

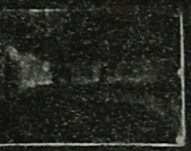
ЛОСКУТОВ
МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ

ЦАРЕВ
СТЕПАН БОРИСЛАНТОВИЧ

ВОЛКОВ
АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ

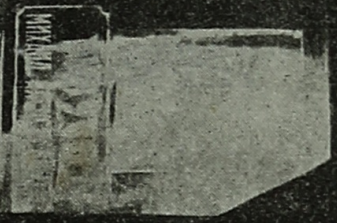
ТЕРЕНЬКОВ
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

ИВАНОВА АЛЕКСАНДРА

КУЗНЕЦОВ
ИВАН ИВАНОВИЧ

ИВАНОВА

ЯКОВЛЕВ
ИВАН МИХАИЛОВИЧ

СИКАЕВ
АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

Полицейские фотографии расстрелянных ткачей.
Хранятся в Губкоме Р.К.П.

23 августа—день большого горя и глубокого траура для рабочих Иваново-Вознесенска.

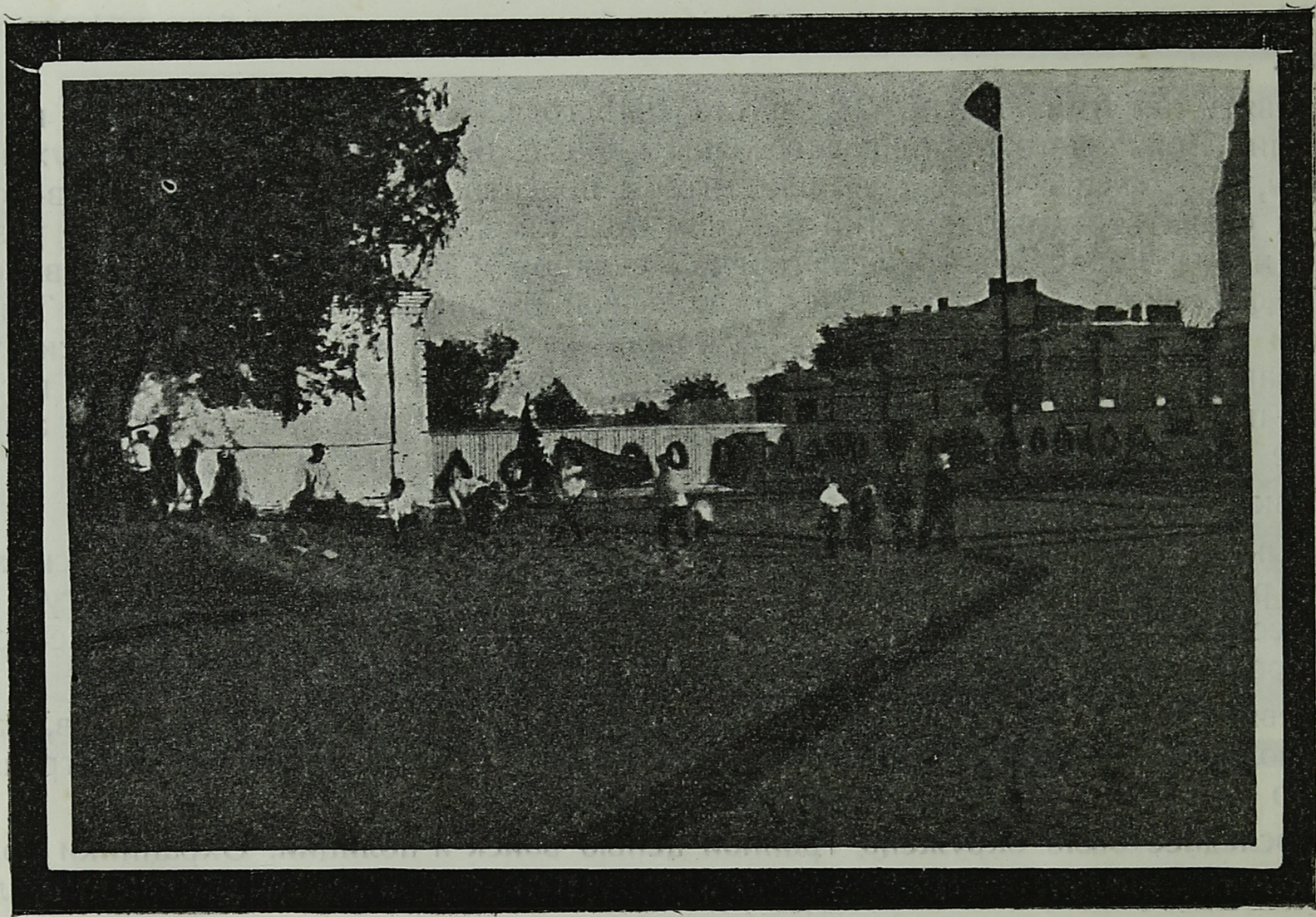
Девять лет тому назад—23 августа 1915 года—в Иваново-Вознесенске на улице Кокуй близ Приказного моста расстреляны мирные, безоружные рабочие—мужчины и женщины,—которые с фабрик вышли, чтобы просить хлеба у своих хозяев—фабрикантов и сказать открыто, честно царским властям, что война измучила и разорила рабочий народ. Рабочих встретили горячим свинцом и казацкими плетями. Ивановские купцы и фабриканты в эту ночь после кровавой расправы спали спокойно: Тридцать убитых и более пятидесяти раненых оставили на камнях мостовой Ивановские ткачи; казаки нагайками разогнали фабричные толпы; жандармы и полиция бросили в тюрьму тех, кто посмел громко кричать, что купцы взвинчивают цены на продукты, а фабриканты не прибавляют заработка.

Так было в 1915 году!

Ныне обагренный кровью рабочих Приказный мост называется Красным. Над городом реет красное знамя победоносной Октябрьской революции. В девятую годовщину расстрела,—23 августа 1924 года,—Ивановские ткачи перенесли дорогие останки своих героев—товарищей в братскую могилу близ Красного моста.

Девять лет тому назад, августовской темной ночью, при свете факелов, тайком, торопливо, боязливо озираясь по сторонам убийцы рабочих хоронили расстрелянных в спешно вырытых ямах на Успенском кладбище.

Последнее было окружено тройной цепью войск и полиции. Охранники со шпиками шныряли кругом, дежурили на дорогах, чтобы посторонние глаза не видели по-

Траурный флаг у братской могилы расстрелянных,

зорного дела испуганных Каинов. Они трепетали дня, света, гласности и прятались во мраке ночи, ожидая мщения. Их предчувствие оправдалось: мститель пришел в Октябре, он вырос на костях павших за рабочее дело.

И ныне,—23 августа 1924 года,—открыто, при дневном свете, десятки тысяч Ивановских рабочих, работниц, рабочих детей с траурными знаменами в мозолистых руках, с великой скорбью в израненных многими потерями сердцах, обнажив головы, всенародно хоронили тех, кто шел впереди рабочего народа в 1915 г. и память о ком никогда не умрет.

Эти печальные страницы мы посвящаем им.

Сквер у Красного моста, куда перенесены с кладбища жертвы расстрела.

За что их расстреляли.

Осень 1915 года—разгар Европейской войны. На очереди призывы новых возрастов. На вокзалах стон и плач: жены и дети ежедневно провожают мужей и отцов. С вокзалов ежедневно громяют десятки грязных подвод, в которых корчатся раненые, изувеченные, больные солдаты.

Прошло то время, когда фабриканты и купцы в щегольских колясках встречали первых раненых, дарили их шоколадом, папиросами, целовали, в автомобилях и каретах везли на свои квартиры. Барыням и купчихам надоело щипать корпию и собирать подарки в окопы. Раненых тысячи, новые тысячи идут с фронта,—на каждом шагу калеки, на всех не напасешься.

На улицах, на базарах, на площадях громкий гул: война отнимает людей, хлеб, разоряет хозяйство. Все больше вдов, все чаще сироты, которые просят на пропитание.

Рабочие гудят на фабриках: дороговизна растет, заработок не поспевает, хозяева не прибавляют.

Торговцы громко говорят о войне до победы, а втихомолку навинчивают цены, прячут товары, чтобы придержать неделю-другую, а потом снова набавить. Фабрикантские карманы пухнут от работы на оборону, рабочие кошельки и животы сохнут.

В первых числах августа в Иванове с рынка исчезла соль и пропало пшено. Без соли рабочему худо; слезами хлеб солить умеют только ребятишки, да бабы. Мало хлеба, посоли покруче, подвяжи пояс

потуже и сыт. Но хоть раз в неделю, в праздник рабочему не вредно и каши поесть. И вдруг: ни каши, ни соли.

Куда это девалось?

Ивановский рабочий и его жена бегают по базару, ищут, ругаются. А ивановский купец доносит полицмейстеру, что рабочие ругаются и грозят обыскать лавки. Действительно, идя на заработку, идя с заработка, за станком, в курилке рабочий втихомолку и вслух размышляет о дороговизне, о том, что соли нет. Агенты охраны доносят об этом начальству.

Фабричным невмоготу: опять навинтили пяточок на фунт хлеба. Фабричные, как народ дружный и понимающий капиталистическую механику, соображают: а не пустить ли в ход опять рабочую паровую, как было в мае, т. е. не забастовать ли? В мае бастовали и добились своего: Управа нормировала цены, а фабриканты прибавили заработка.

Через своих лакеев купцы и фабриканты в курсе рабочих настроений. Купцы в тревоге: вдруг снова нормируют цены? Фабриканты в беспокойстве: неужели опять прибавлять гривенник?

А нужда подталкивает рабочих: требуй соли и хлеба. На помощь рабочему разумению приходит прокламация старой рабочей партии большевиков. Прокламация объясняет, что виной всяких рабочих нужд капитализм и война. Ивановский пристав Сабуров отбирает одну такую прокламацию и тор-

Перенесение гробов с останками жертв расстрела.

жественно несёт к полицмейстеру: вон что думают рабочие, не вышло бы чего. А жандармский ротмистр Лызлов накануне расстрела арестует полтора десятка самых сознательных рабочих. А купцы Куражев, Латышев, Кузнецов и другие—знает кошка чье мясо съела—бегут к полицмейстеру: чу, мы слышали, рабочие хотят бунтовать, не разгромили бы наши лавки.

Рабочие раздражены арестами. На фабриках зашумели; «мы по справедливости рассуждаем, что без соли нельзя, а нас за это хватают».

Полицмейстер доносит губернатору, что Иваново ворчит. Губернатор по телеграфу объявляет Иванову, что по существующим законам ворчать ткачам не полагается и в случае чего, так он—губернатор—готов заткнуть оружием невоспитанные глотки ткачей.

Ободренный храбрым губернатором, полицмейстер просит у него разрешения на всякий случай обратиться за помощью к начальнику гарнизона, у которого пять тысяч солдат учатся колоть штыком, бить прикладом и зубами грызть кого начальство прикажет.

Разрешение, конечно, дано: ведь Ивановские ткачи известные супостаты. Полицмейстер с начальником гарнизона устраивают совещание и решают, весь город, при атаке рабочими своих хозяев, оцепить войсками. Начальник гарнизона собирает своих офицеров и распределяет смиренные Ивановские улицы на боевые участки. Приготовле-

ния к войне окончены, самым надежным, кадровым, солдатам розданы боевые патроны.

Ничего не зная о таких приготовлениях к кровопролитию, фабричные со всех фабрик утром 23 августа решают идти к Управе жаловаться на дороговизну, на то, что соли нет и—кстати—попросить выпустить арестованных товарищей.

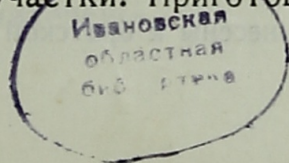
Тысячи ткачей бросают станки, за ними идут другие цехи, в фабриках остаются только люди, необходимые для надзора за паровыми котлами. Дружными толпами рабочие массы подвалили к Управе, дождались, когда все соберутся и тронулись по Часовой улице на луг за кладбище обсудить свое положение.

Начальник гарнизона немедленно выслал на улицы воинские части, полицмейстер распределил казаков и фараонов, сыскное в охранное отделение своих шпииков. Работы всем по горло.

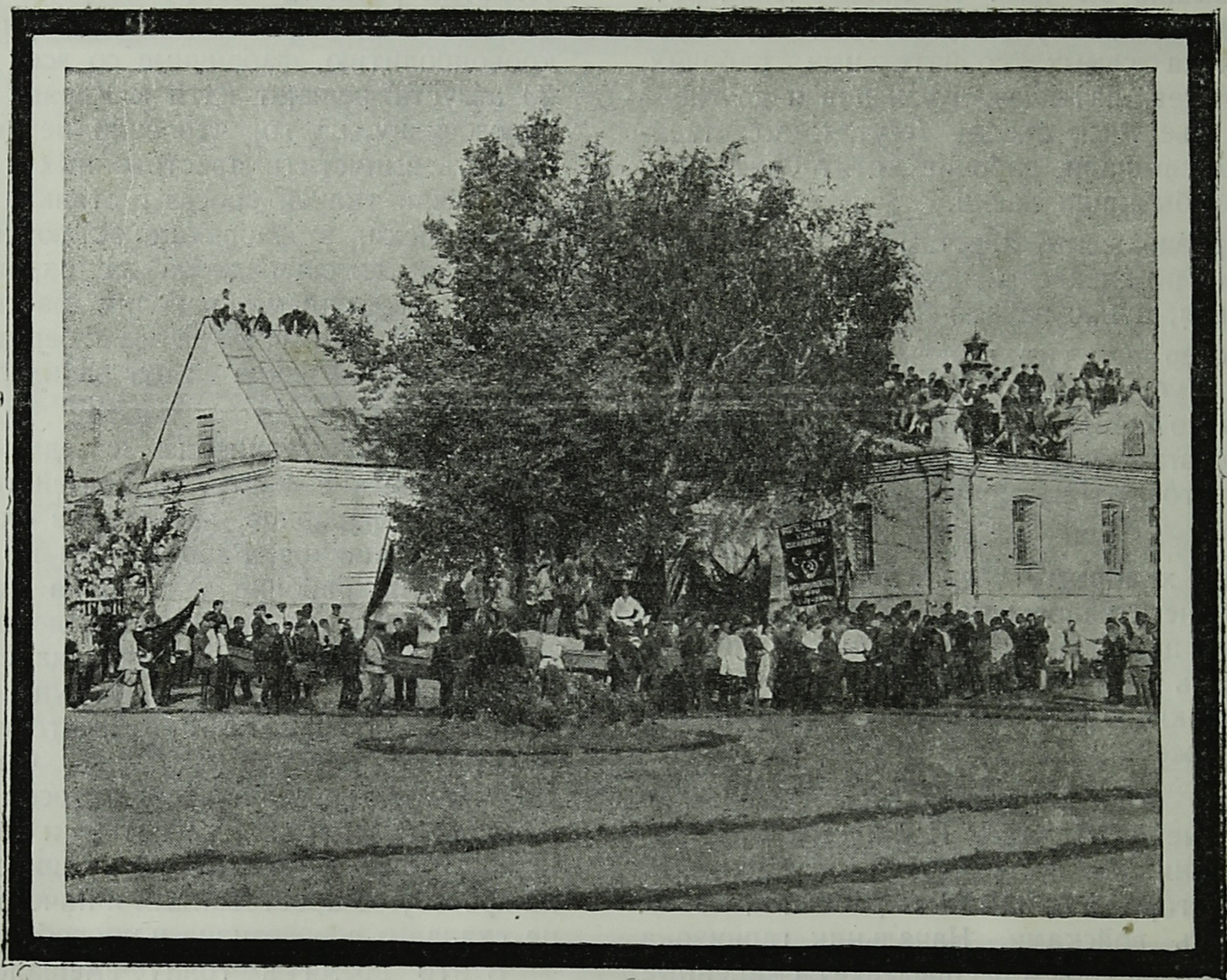
На лугу рабочие выслушали своих ораторов, которые говорили про тяжести войны, про дороговизну. Решили просить местное начальство принять меры против дороговизны и купеческих навинчиваний цен и хлопотать об арестованных.

Пришли обратно к управе. Снова поднялись рабочие ораторы, повторили всем свои доводы. Вызвали к народу полицмейстера и передали рабочие нужды. Полицмейстер ответил решительным отказом на просьбу об арестованных и ничего определенного не сказал о дороговизне и способах борьбы с ней.

В это время в толпу вмешался только что выпущенный из тюрьмы рабочий Зиновьев, поднялся

~~1038939~~ кр 20.492

Гроба с останками жертв расстрела принесены к братской могиле.

на плечи соседей, и—видимо—взволнованный своим несправедливым, арестом произнес такую зажигательную речь о подлостях властей, что сразу раскалил слушателей. Зиновьев в горячке крикнул толпе: «раз не выпускают арестованных, пойдемте сами выпустим».

Ничего не думая, как они будут выпускать, не имея ключей от тюрьмы, и не представляя собой никакой силы, просто под влиянием порыва, горечи от обид, рабочие двинулись за Зиновьевым, который побежал впереди через Приказный мост.

Пройдя мост, они далеко впереди себя увидели взвод солдат с ружьями. Если бы рабочими владела прежняя мысль идти к тюрьме, они повернули бы направо по Кокую, который не был загорожен солдатами и был кратчайшей дорогой к тюрьме. Но картина солдат с ружьями направила мысли толпы в иную сторону. «Неужели это для нас приготовили ружья и неужели солдаты смогли бы стрелять в нас?»—подумали рабочие. «За что ружья на нас?»

И повернули к солдатам с криками: «бросайте ружья; идите с нами; неужели будете в нас стрелять»? Одна женщина разорвала на себе кофточку и в слезах закричала: «ну, нате, стреляйте в грудь, которой я младенца кормлю».

Мужчины тоже рвали на себе рубашки и подставляли голые груди с криками: «бейте и нас!» Иные кричали: «с нами дети и женщины, вы тоже дома оставили детей, жен и матерей!»

Многие из рабочих и работниц рыдали, некоторые в гневе грозили кулаками, не владея собой. А послушный приказу начальника гарнизона—«охранять свой участок»—офицер не смог или не сумел ничем повлиять на расстроенных рабочих, как угрозой стрелять. Это, конечно, возмутило рабочих и поразило. Ничего ужасного и плохого они не сделали, а им сулят пули. Многие закричали: «мы с открытой душой к вам, а вы с оружием!» Задние напирали на передних, которые невольно подошли вплотную и офицер дал... первый, второй и, наконец, третий свисток к огню, после чего раздался залп. Темные солдаты не посмели ослушаться преступной команды.

Толпа в ужасе бросилась назад и побежала в разные стороны. На мостовой потекли ручьи крови. До ста человек убитых и раненых упало от залпа в упор.

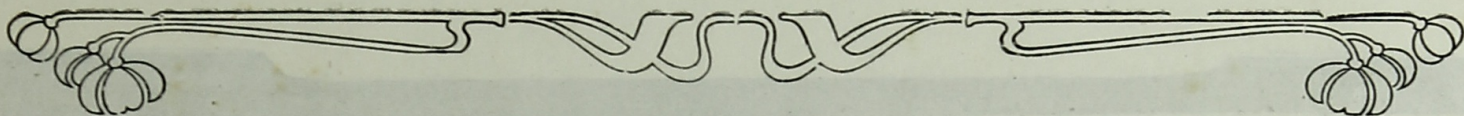
Полицмейстер дал сигнал казаками те с плетями врезались в гущу рабочих. Полиция и шпики начали хватать кого попало.

Всю ночь на десятках подвод возили в больницы убитых и раненых.

Пожарная команда из рукавов мыла улицу от крови на мостовой перед номерами Дунюшкина, где стояли солдаты. А на другой день приехал из Владимира судебный следователь по важнейшим делам, который начал дознание и следствие по делу «о нападении толпы рабочих на воинскую заставу» и предал военному суду оставшихся в живых раненых рабочих.

Перенесение с Успенского кладбища к Красному мосту гробов с останками жертв расстрела.

Поэма о тридцати ткачах.

Вечная память
Светлым, как пламя,
Стойким и гордым,
Смелым и твердым,
В черные годы
Грозной невзгоды
Буйно восставшим,
Смело поднявшим
Красное знамя!
Доблестно павшим
Вечная память!

Ткачи, ткачи, рабочий люд!
Их доля—неустанный труд.
Их плечи греет не парча—
Убог и груб наряд ткача.
Их пища—волею судеб—
Картошка, лук, да черствый хлеб.
Их общий труд спаял в одно,—
Рука с рукой—с звеном звено.
Нужда в сердца вдохнула гнев,
Их помыслами завладев.
А гнев, едва в сердцах расцвел,
Толпу на улицу повел
Рука к руке, к плечу плечо,—
Толпа по улицам течет.

Толпа оборванных ткачей
Клянёт жестоких богачей.
Рабочих ярый гнев ведёт
Их голод двигает вперед.
Их знамя—ненависть к тому,
Кто бросил их в глухую тьму,
Кто ненасытно жрет их труд,
Кому они прядут и ткут.
Их знамя—злоба к богачам
И бессердечным палачам.
Сегодня трубы не дымят,
Машины встали, не гремят,
Устали бегать челноки
И праздны пыльные станки,
И яростные голоса
Не сотрясают корпуса.
Сегодня не прядут, не ткут,—
Не у станка—горбатый труд.
С кипящей яростью в груди
Он нынче встал на площади.
Он сеет страстные слова,
Чтоб защитить свои права
Пред сотнею ружейных дул.
Он в очи смерти заглянул
Он тянет к ним десятки рук.

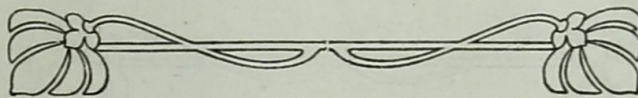

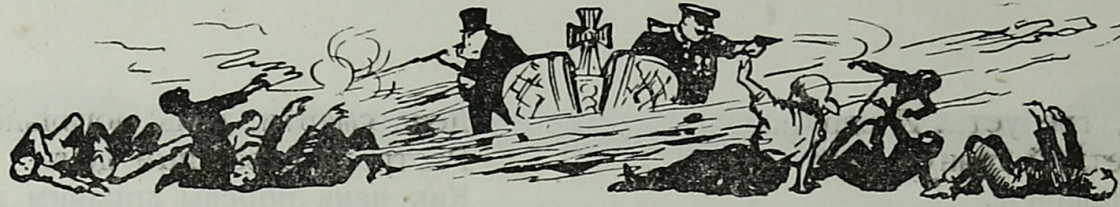
Всенародные похороны 23 августа 1924 года жертв расстрела 1915 года.

Он просит, требует... И вдруг...
Сухой и четкий грянул залп
Из стана палачей
И пули сотней знойных жал
Помчались на ткачей.
И пали тридцать человек
На камни мостовой—
Один с свинцом в груди, другой
С пробитой головой.
То было девять лет назад,
Но не забуду—нет!—
Остекляневшие глаза
И пули страшный след.
С тех пор прошло уж девять лет,
Но в памяти ткачей
По прежнему забвенья нет
Злодейству богачей.
А что их сила! где она?
Рассыпалась как прах.
Вся наша красная страна
В мозолистых руках!

День смерти, день могильной тьмы,
Растрела страшный день,
Как день победы справим мы,—
Он к зорям дня ступень.
Слава погибшим борцам,
Взятым могильным покоем,
Слава рабочим героям,
Слава кипящим сердцам—
Радостной жизни творцам!
Память оних не умрет.
Сбросив печаль и тревогу,
Освобожденный народ
К милым могилам дорогу,
Не позабудет—найдет!
Вечная память борцам,
Павшим за правое дело!
Слава боровшимся смело!
Слава горячим сердцам—
Радостной жизни творцам!

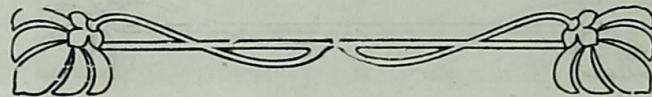
Дм. Семеновский.

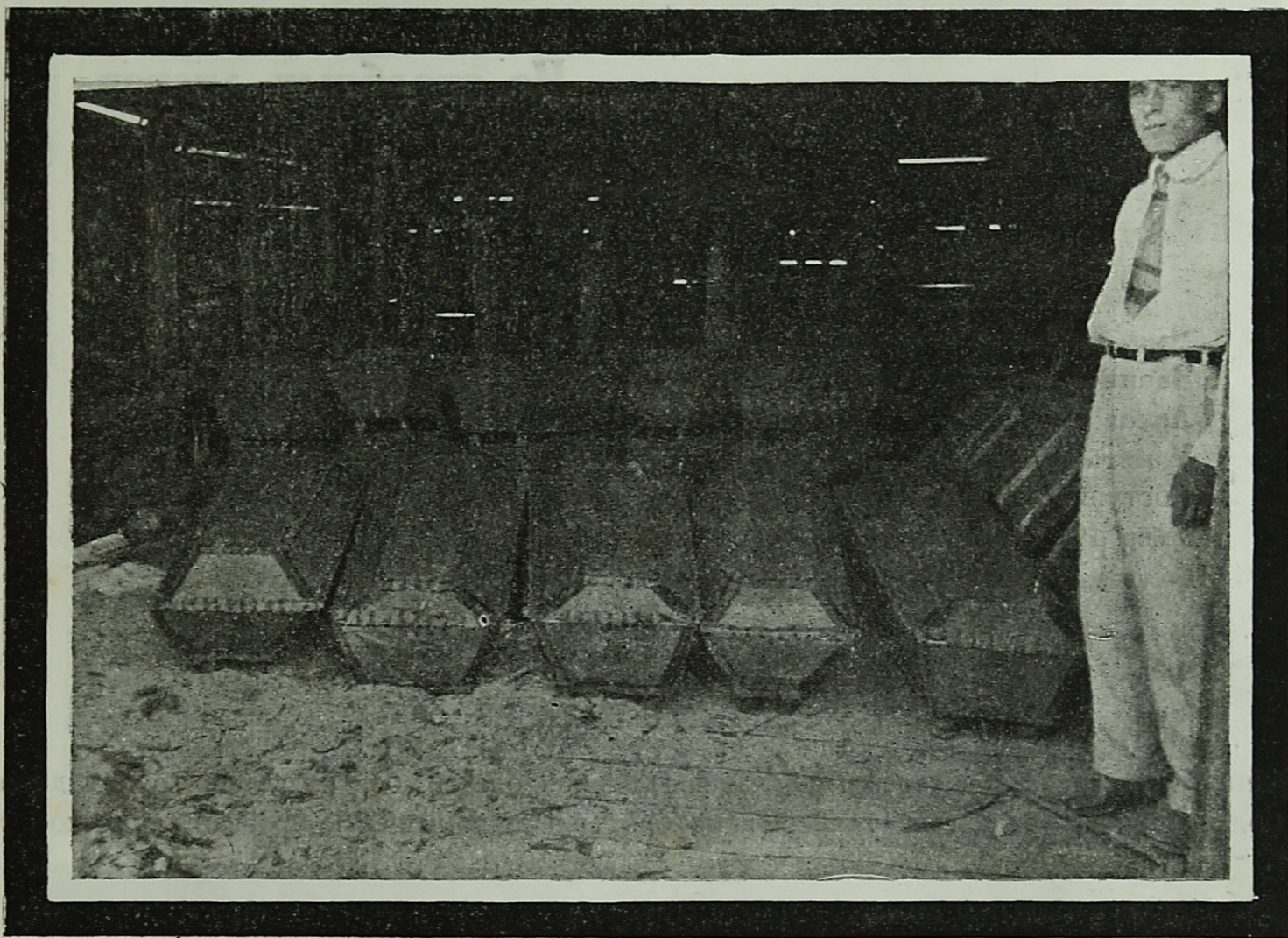

СПИСОК УБИТЫХ

1. Надежда Евдокимовна Заверняева,—с Маракуш. фабр.
2. Яков Васильевич Батяев,—с фабр. А. Гарелина.
3. Егор Степанович Зиновьев,—с фабр. А. Гарелина.
4. Андрей Тимофеевич Рябинин,—с фабр. Грязнова.
5. Михаил Арсеньевич Белушков,—с фабр. Куваева.
6. Александр Данилович Коканов,—с фабр. «Компания».
7. Дмитрий Ефстафьевич Волков,—с фабр. Меф. Гарелина.
8. Григорий Венедиктович Царев,—с фабр. Меф. Гарелина.
9. Василий Иванович Холодов,—с фабр. Полушина.
10. Дмитрий Данилович Лапшин,—с фабр. Грязнова.
11. Федор Кузьмич Федотов,—с фабр. Куваева.
12. Иван Михайлович Яковлев,—с фабр. Дербенева.
13. Федор Никифорович Моисеев,—с фабр. А. Гарелина.
14. Тихон Поликарпович Крюков,—с фабр. Полушина.
15. Василий Иванович Комиссаров,—с фабр. Витова.
16. Василий Михайлович Ковалев,—с фабр. Витова.
17. Александр Иванович Сикаев,—с фабр. Витова.
18. Илья Абрамович Рыбаков,—с фабр. Грязнова.
19. Матрена Григорьевна Лушниковна,—с фабр. Компания.
20. Антон Иванович Воронин,—с фабр. Полушина.
21. Иван Егорович Коровкин,—с фабр. Меф. Гарелина.
22. Иван Иванович Кузнецов,—с фабр. Куваева.
23. Александр Васильевич Терентьев,—с фабр. Полушина.
24. Михаил Амплеевич Тулуев,—с фабр. Полушина.
25. Михаил Алексеевич Лоскутов,—с фабр. Полушина.
26. Екатерина Васильевна Сергеева,—с фабр. Дарьинского.
27. Александр Иванович Дунаев,—с фабр. Грязнова.
28. Павел Алексеевич Федосов,—с фабр. Грязнова.
29. Александр Иванович Вырычалов,—с фабр. Бурылина.
30. Андрей Николаевич Ремизов,—ломовой извозчик.

Гроба с прахом расстрелянных ткачей перед переносом с кладбища в братскую могилу.

БОЛЬНИЦА
для мастеровых и рабочих
г. Ив.-Вознесенск.

оооооооо

Копия.

Из скорбных листов.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ:

№ журнала 3152.

№ палаты 11.

Имя, отчество и фамилия: Александр Иванович Дунаев.

Звание: Мещанин гор. Иваново-Вознесенска.

Лета: 49.

У кого работает: У Грязнова.

Поступил 1915 года Августа 11 (24) дня.

Умер 1915 года Августа 11 (24) дня.

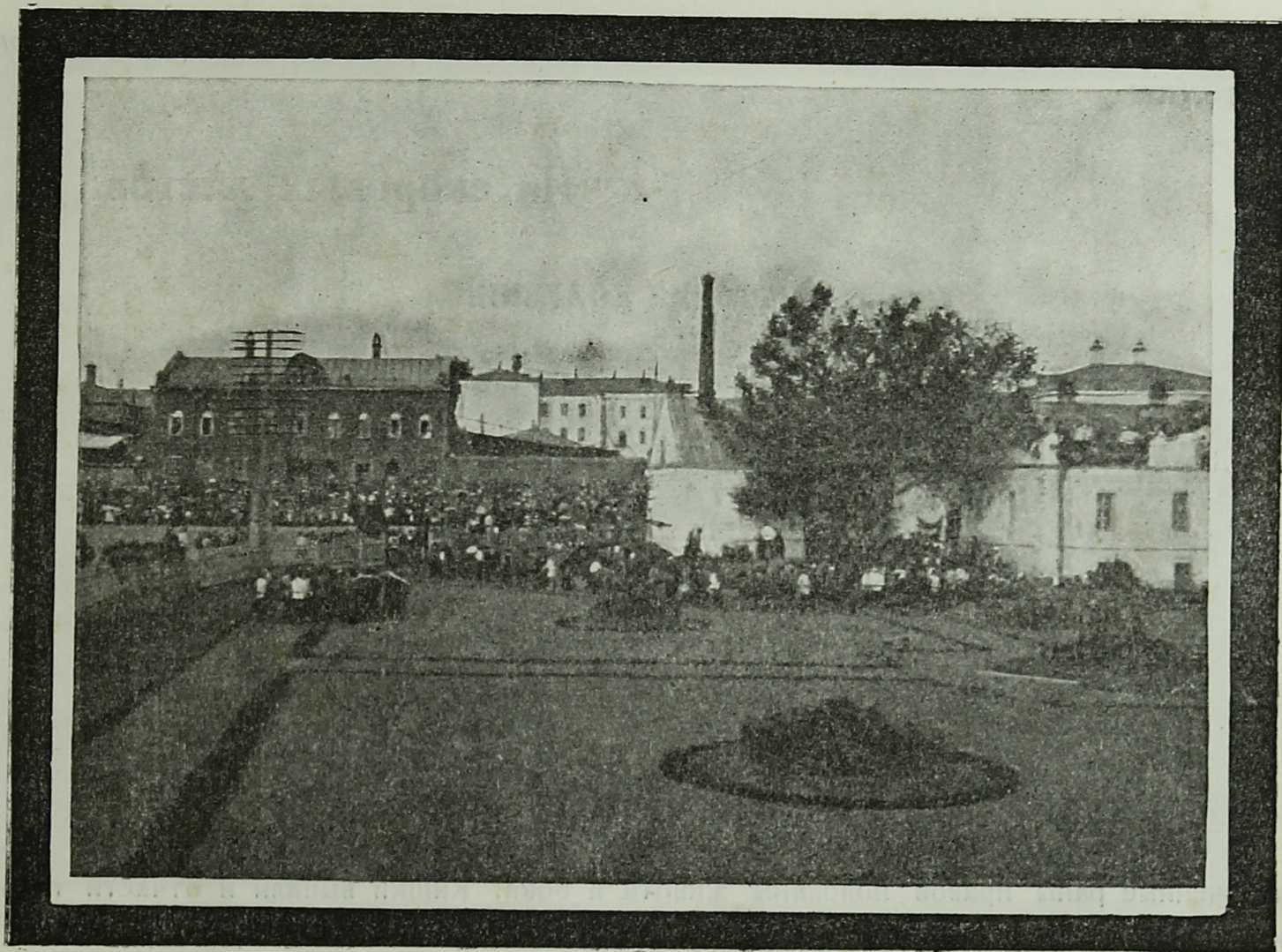
Болезнь: Vulnus sclopetarium lateris dex. ruptura pulmonis dex.

Врач А. Иванов.

ТЕЧЕНИЕ БОЛЕЗНИ:

Ранен пулей, доставлен через 7—8 часов. Больной бледен, без пульса, с трудом дышет. На правом боку большая рваная рана всех тканей, в которой видно дышащее и прорванное легкое. Рана слегка кровоточит.

Через 1¹/₂ часа больной помер.

Красная армия салютует ружейными залпами при опускании в братскую могилу останков расстрелянных ткачей.

БОЛЬНИЦА
для мастеровых и рабочих
г. Ив.-Вознесенск.

оооооооо

Копия.

Из скорбных листов.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ:

№ журнала 3156.

№ палаты 19.

Имя, отчество и фамилия: Екатерина Васильевна Сергеева.

Звание: Крест. Суздальского у., с. Шумилова.

Лета: 26.

У кого работает: У Дарьинского на фабрике.

Поступила 1915 года Августа 11 (24) дня.

Умерла 1915 года Августа 11 (24) дня.

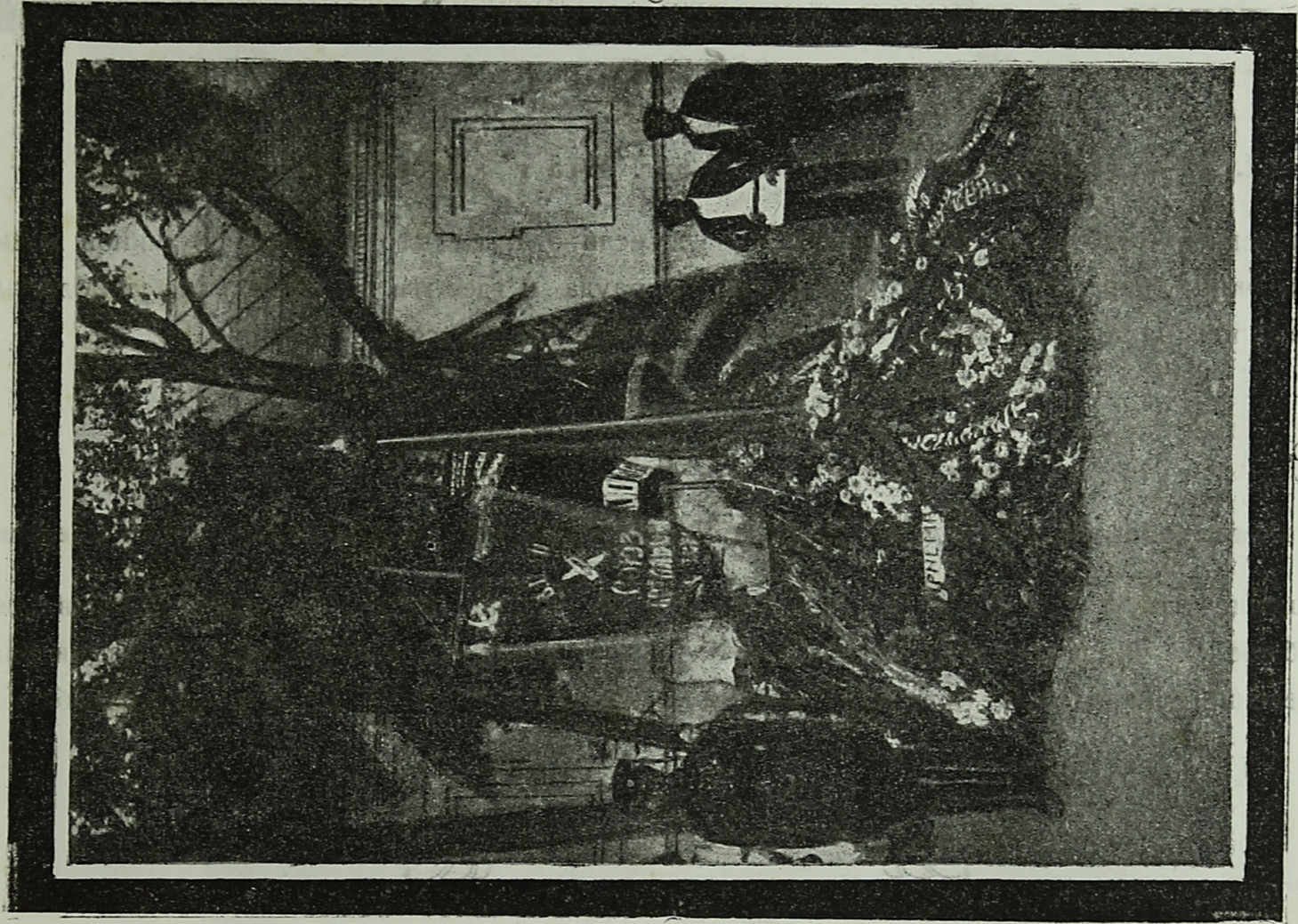
Болезнь: Vuln. sclopet. abdomin.

Врач *Н. Сперанский.*

ТЕЧЕНИЕ БОЛЕЗНИ:

Развороченные раны правой половины живота и бока. Кишки выпали и отчасти также разбиты.
В агонии.

Старш. врач *Дементьев.*

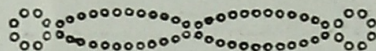

Почетный караул у братской могилы.

Размеры потерь в личном составе воинской заставы от действий рабочих.

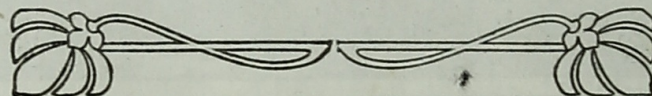
I. Из отношения, за № 786 от 26 авг. 1915 г., судебного следователя.

«Прошу немедленно дознать: были ли ранены или ушиблены чины караула, на которых было произведено толпой нападение 23 авг. 1915 года; если—да, то кто именно из чинов военного караула и где эти раненые или ушибленные чины ныне находятся».

II. Ответ командовавшего взводом прапорщика Носкова. Надпись на отношении следователя.

«На отношение за № 786 сообщаю: что раненых и ушибленных чинов караула не было во время произведенного нападения толпой 23 августа, кроме камня, который упал в трех шагах от меня и после отражения от земли ударился в носок правой ноги, не причинив ушиба».

На Успенском кладбище у могил расстрелянных. Родственники убитых.

Ушибы, которые получили рабочие.

(Из протокола осмотра потерпевших 23 августа).

I. «Труп мужчины с ярлыком № 23. Одет в триковый пиджак, малескиновые штаны. На трупе следующие повреждения: на левом бедре рана шириной $\frac{1}{3}$ вершка, бедренная кость раздроблена, бедренная артерия разорвана».

II. «Труп мужчины за № 22. Одет в триковый пиджак, ластиковую розовую рубашку, бумажные штаны. На голове рана длиной в 1 вершок, шириной $\frac{2}{3}$ вершка, кости раздроблены, мозг выступил наружу».

III. «Труп мужчины за № 12. Триковый пиджак, миткалевая рубашка, бумажные штаны. Вся правая половина лица представляет огромную зияющую рану. Нижняя и верхняя челюсть совершенно разрушены».

Осматривал врач *А. Юшков*.

IV. «Труп неизвестного за № 11. Оба бока прострелены насквозь».

V. «Труп за № 20. Прострелена на вылет грудная клетка. Переломлены 2 ребра».

VI. «Труп за № 15. Разбито левое плечо».

VII. «Труп за № 2. Раздроблен таз».

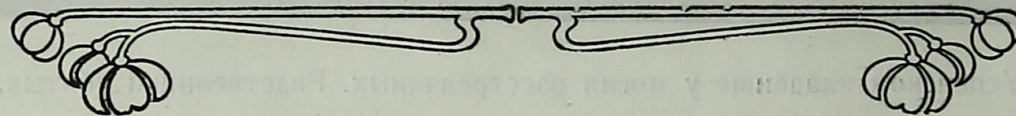
VIII. «Труп за № 6. Прострелена грудь с переломом ребра».

IX. «Труп за № 24. Из расстегнутых брюк и подштанников вывалилась масса тонких кишек и толстая поперечная».

X. «Труп за № 7. Вся левая половина головы разбита на мелкие куски».

Осматривал городской врач *Алявдин*.

На трупах остальных прострелены животы, спины, ранения в шею, перебиты ноги;—подробных описаний не приводим.

Ночью полиция убирала тела расстрелянных.

Чем были вооружены рабочие.

П Р О Т О К О Л Ъ.

1916 года февраля 25 дня И. д. Судебного Следователя Владимирского Окружного Суда по важнейшимъ дѣламъ, въ камерѣ своей, въ присутствіи нижеподписанныхъ понятныхъ, произвёлъ осмотръ вещественныхъ доказательствъ по сему дѣлу.
По осмотру оказалось, -

1. Кошелёкъ черной кожи средняго размѣра съ тремя отдѣльными, запоръ обжигнованный. Въ кошелёкъ находится: в/паспортъ, выданный Мирславскимъ Волостнымъ Правленіемъ, Кривенскаго уѣзда на имя кр. с. Кошеева Ильи Абрамова Рудакова отъ 13 Мая 1915 года за № 859, 6/три небольшихъ кремня для зажигательницъ, завернутые въ бумагу. Денегъ въ кошелёкъ не оказалось. Кошелёкъ этотъ взятъ изъ одежды трупа подл. № 18.
2. Кошелёкъ черной кожи, значительныхъ размѣровъ, съ обло-

- манномъ запоромъ; въ верхней части кошелекка находится машинка для вкладыванія серебряныхъ монетъ 20 и 15 коп. достоинства. Кошелекъ имѣеть два отдѣленія, въ одномъ изъ которыхъ находится кредитный билетъ въ одинъ рубль за № 372166 - 1898 года. Кошелекъ взятъ изъ слѣдствъ трупа подлѣ № 10, въ которомъ опознанъ Дмитрій Даниловъ Лапкинъ.
- 3. Камень-булыжникъ, весомъ около 1 1/2 фун., полуовальной формы; камень этотъ взятъ изъ одежды трупа подлѣ № 13, въ которомъ опознанъ Федоръ Никифоровъ Моисеевъ.
- 4. Пузирекъ съ можжевеловымъ масломъ; взятъ изъ одежды трупа подлѣ № 17, въ которомъ опознанъ Алек сандръ Ивановъ Сикаевъ.
- 5. Серебряные закрытые часы за № 104669 съ никелевой цѣпочкой, оставшияся на 10 часахъ.
- 6. Острооточенный большого размабра перочинный ножъ съ однимъ лезвиемъ, новый. Серебряные часы и ножъ взяты изъ одежды трупа подлѣ № 15, въ которомъ опознанъ Василий Ивановъ Комисаровъ.
- 7. Кошелекъ черной кожи среднего размабра, съ секретныйкъ замкомъ, имѣеть три отдѣленія, въ одномъ изъ коихъ находится два рубля кредитными бумажками, два серебряныхъ монета по 20 коп. и семь копѣекъ мѣдныхъ. Вещи эти взяты изъ одежды трупа подлѣ № 3, въ которомъ опознанъ Егоръ Степановъ Зинцовъ.
- 8. Кошелекъ черной кожи небольшого размабра, правый уголокъ его и ободки внутреннихъ отдѣленій разворочены, кошелекъ имѣеть сквозную дыру, замокъ его тоже разломанъ. Въ кошелекѣ находится серебряная монета въ 10 коп. и изорванная въ клочки записка.
- 9. Перочинный ножъ съ 2 лезвьями, не новый, остро оточенный. Кошелекъ /п. 8/ и ножъ взяты изъ одежды трупа подлѣ № 28, въ которомъ опознанъ Александръ Васильевъ Терентьевъ.
- 10. Перочинный ножъ небольшого размабра съ 2 т. лезвьями и запоромъ, ножъ старый, мѣстами заржавленный; взятъ изъ одежды трупа подлѣ № 20, въ которомъ опознанъ Антоныъ Ивановичъ Боронинъ.

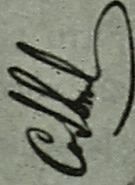
11. Перочинный нож: значительных размеров с одним остро отточенным лезвием; нож новый; валять из одежды группа под № 12, в котором осыпань Иванъ Михайловъ Яковлевъ.
12. Перочинный нож среднего размера с одним лезвием, нож старинный, металлы зааржавленные, рукоятка кожа изобретаеть нолу ниже колѣна; валять изъ одежды группа подъ № 9 - Василія Иванава Холодова.
13. Перочинный нож значительнаго размера съ двумя остро отточенными лезвиями и штопоромъ, нож старинный, лезвия металлы покръ тѣ ржавчиной.
14. Образокъ разбитою около вершка въ квадратъ, на деревянной досчкѣ, написанъ - какой святой изображенъ на образкѣ-нѣтъ. Образокъ старинный. Ножъ /т. 13/ и образокъ валять изъ одежды группа подъ № 14 - Тихона Поликарпова Крыкова.
15. Записная книжка размеромъ въ 1/4 арш. длины и 2 вершка ширины, листы въ книжкѣ разграфлены въ клеточку, книжка новая записанъ въ ней никакихъ нѣтъ. Съ одной стороны книжка немного надорвана. Книжка представлена свидѣтъ. Николаевымъ Ивановымъ Рыбнымъ.
16. Кошелекъ черной кожи съ тремя отделениями, старинный, ободки зааржавлены; въ кошелекъ находитсѣ: а/ два обрывка мелкой цѣпочки, б/ зааржавленные черные оскряпые, съ совершенно испорченными циферблатомъ и безъ минутной стрѣлки карманные часы в/ три кредитныхъ билета: въ 5 р., 3 р. и 1 р., г/ билетъ на право входа въ артельнѣе гухнѣ за № 3211 на Августъ 1915 года на имя Николая Тулуева, д/ маленькій ключъ на кожаномъ ремешкѣ, е/ 20 коп. денегъ, состоящихъ изъ серебряной 10 коп. монеты и медныхъ: въ 5 к., двѣ по 2 к. и одна въ 1 коп. Вещи эти валять изъ одежды группа подъ № 24-Михаила Амилеева Тулуева.
17. Меленькій кусочекъ никелевой ободочки. Обнаруженъ при вскрытїи трупа подъ № 9 - Василія Иванава Холодова.
18. Меленькій кусочекъ никелевой ободочки пули; обнаруженъ при вскрытїи трупа подъ № 24 - Николая Амилеева Тулуева.
19. Большой кусокъ никелевой ободочки пули и два куска свиновой дуги, одной больше и одной маленькой; обнаружены при вскрытїи трупа Екаторина Васильева Сергѣева.

20. Частица свинцовой пули; обнаружена при вскрытїи трупа Егора Иванова Ворехалова.

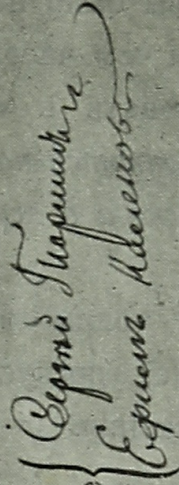
21. Большой кусокъ никелевой оболочки пули; обнаруженъ при вскрытїи трупа Андрея Николаев Ремезова.

Осмотрѣнныя вещи прїообщены къ настоящему дѣлу въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ.

И. д. Судебнаго Слѣдователя

Понятныя

Добить и этих!

Выписка из постановления судебного следователя по важнейшим делам при Владим. Окружн. суде по делу 23 августа 1915 года.

«По собранным в больницах и лазаретах города Иваново-Вознесенска сведениям оказалось, что раненых залпом воинской заставы было не 28 человек, а значительно больше, при чем часть раненых умерла вслед за ранением, а часть в следующие несколько дней, так что *в окончательном результате умерших было 30 человек, а в живых осталось раненых 53 челов.*

Насильственное нападение толпы на заставу составляет преступное деяние, предусмотренное 1 п. ст. 123 Уголовного Уложения.

Находя, что *раненые в наступавшей на воинскую заставу толпе одним уже фактом получения ранения изобличаются в соучастии в скопище*, поэтому все перечисленные лица являются ответственными за действия скопища, выразившиеся в насильственном нападении на воинскую заставу из 51 нижнего чина с офицером во главе.

В виду всего вышеизложенного и. д. суд. след. Влад. Окр. Суда по важн. делам постановил:

Перечисленных лиц допросить по делу в качестве обвиняемых, предъявив им обвинение по 1 п. 123 ст. Угол. Улож.

Еще один ушиб¹ раненым рабочим, оставшимся в живых.

ПРОКУРОР

Владим. Окружного Суда.

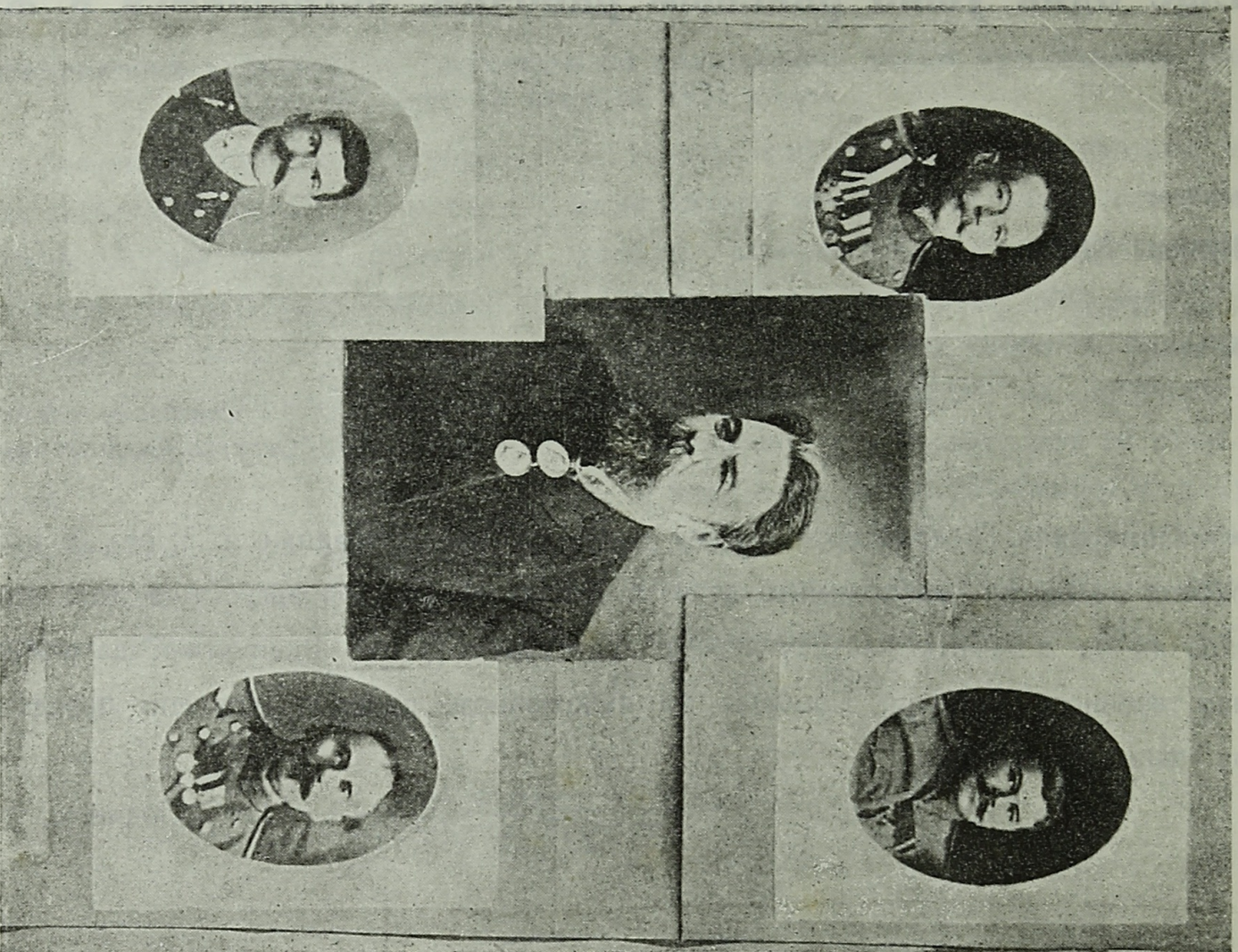
Декабря 6 дня 1915 года.

№ 1069.

Судебному следователю Владим.
Окружн. Суда по важнейшим делам.

«Владимирский Губернатор уведомил меня, что на основании п. 3, ст. 26 положения о чрезвычайной охране он нашел необходимым дело о нападении 10 (23) августа в гор. Иваново-Вознесенске толпы рабочих на воинскую заставу передать на рассмотрение Военного Суда для суждения виновных по законам военного времени. Сообщая об изложенном, прошу о времени передачи дела Военному прокурору меня уведомить».

Подпись.

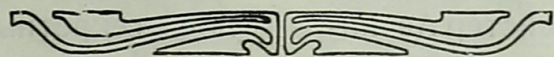
Виновники расстрела. В середине купец Куражев; вверху налево пристав Сабуров, направо жандарм Лызлов, внизу: налево начальник тюрьмы, направо полицмейстер Авчинников.

Роль местных торговцев в событиях 23-го августа 1915 года.

(Выписка из протокола допроса судебным следователем полицмейстера Авчинникова).

„По городу ходили слухи, что рабочие устроят погром местных торговцев за неподвоз и чрезмерное вздутие ими цен на необходимые продоволь-

ственные продукты, о чем мне не раз заявляли торговцы Куражев, Латышев, Кузнецов и другие.“

Роль Авчинникова в событиях.

(Из того же протокола допроса полицмейстера).

„Доложив (по телефону) начальнику губернии обстоятельства дела, я просил его командировать в Иваново-Вознесенск 50—60 конных стражников и дать согласие на вызов мною войск для содействия гражданским войскам.

Получив на указанные просьбы положительный ответ, я отдал помощнику полицмейстера Троицкому распоряжение немедленно от моего имени обратиться к начальнику местного гарнизона с просьбой выслать войска“.

Роль жандармов и командира полка.

(Из воспоминаний старого солдата).

В то время я служил в местном 199-пех. запасн. полку писарем штаба.

Накануне 10-го августа 1915 г. в штаб полка приехал Иваново-Вознесенский полицмейстер Авчинников в сопровождении жандармского ротмистра Лызлова. Бывший тогда командир полка полковник Смирнов прибывших пригласил в свой кабинет, закрыв плотно за собою дверь. Перед этим писаря штаба, работавшие близко к кабинету командира полка, были высланы им в помещение для писарей (в подвале). Штаб полка в то время помещался в доме Грачева, угол 1 Балаганной и Пономаревской улицы.

Среди команды писарей штаба были ивановцы, они знали о волнениях на фабриках и сразу поняли, зачем приехали Авчинников и Лызлов. Когда Авчинников и Лызлов уехали, через час были собраны в штаб все командиры рот полка. В кабинете командира полка было секретное заседание по поводу возможных событий. Когда заседание кончилось, ко мне подошел командир 1-й роты прапорщик Маурцев и сказал,—в чем дело? Я ему ответил, что все писаря штаба полка знают, что в

городе неспокойно. Тогда Маурцев, сказал, что полковник Смирнов страшно трусит, п. ч. пополнение полка состоит из ратников и новобранцев. На ночь секретным приказанием в роты были собраны все офицеры полка. Но ночь для полка прошла спокойно, в ротах-же было известно о забастовке и требованиях рабочих а именно: хлеба, протест против повышения цен на продукты питания и первой необходимости, о повышении заработной платы и «долой войну». Утром 10-го августа в штаб полка приехали: полицмейстер Авчинников и жандармы, подполковник Васильев и ротмистр Лызлов. Привезли телеграмму Владимирского губернатора, в которой предлагалось командиру полка дать вооруженную силу и выставить заставы к тюрьме, госбанку и казначейству. В этот день работа штаба шла ненормально, так как то и дело звонили по телефону из полиции, переговоры вел сам полковник Смирнов, но так как он был глуховат, то требовал повторения сказанного, из чего было ясно, о чем шел разговор. От 1 часу до 3 час. дня время полагалось на обед. В городе стало неспокойно. Рабочие на фабриках прекра-

тили работу и собирались пойти на городскую площадь, требовать освобождения арестованных товарищей в ночь на 10-е августа. Когда пришли после обеда в штаб, командир полка объявил, что занятий в штабе не будет, и кроме того приказал писарям не отлучаться из штаба полка, предупредил, чтобы в город никто не ходил, в виду возможных беспорядков.

Во время обеда командир полка поехал в Небурчиловские казармы, в 6-ю роту, которая была назначена в наряд на случай вызова полиции полковник Смирнов приказал тогда командиру роты 19 летн. *) прапорщику Носкову немедленно выставить заставу к Приказному мосту — два взвода солдат из кадровых учителей 6-й роты, назначить в наряд только уроженцев Сибири, Тургайской области, учителей же уроженцев центральной России, не назначать. Они не надежные солдаты.

Взводы выступили под командой прапорщика Носкова к месту назначения, к Приказному мосту. Писаря штаба полка, узнав по телефону, что рабочие собрались на площади и требуют арестованных товарищей освободить, утекая из штаба полка по два, по три человека, тоже пошли на площадь. Я на площадь направился с двумя писарями штаба. Придя на площадь, мы все трое встали около лавки бывш. Быкова, ныне посудно-хозяйственный магазин Ивгума. Отсюда стали наблюдать за волную-

щимися рабочими, и прислушивались к речам ораторов, которые говорили с полицмейстером Авчинниковым. Было заметно, как около толпы шмыгали переодетые жандармы, которые изредка посещали штаб полка, а потому лица их очень выделялись. Потом вся громадная толпа в составе несколько тысяч человек, мужчины, женщины и дети, направились на Приказный мост, чтобы идти к тюрьме, освободить заключенных товарищей. В это время против моста у Покровских номеров Дунюшкина на тротуаре стоял взвод солдат под командой прапорщика Носкова. В толпе заметно было волнение и слышны были голоса: «товарищи успокойтесь». Вдруг раздался ружейный залп, пули ударились о стену, близ которой мы стояли, задняя часть толпы шарахнулась в сторону и пустилась бежать, я и двое товарищей писарей тоже пустились бежать к бывшей аптеке Вильде, затем в переулок пассажа Соколова по Шерементьевской улице к штабу полка.

Спустя несколько времени, в штаб полка приехал полковник Смирнов с комендантским адъютантом, поручиком Штробиндер, весь бледный, дрожащим голосом приказал немедленно вызвать полицмейстера Авчинникова в штаб полка. Минут через 15 в штаб прибыл полицмейстер Авчинников, жандармы — подполковник Васильев и ротмистр Лызлов. Полковник Смирнов, дрожа точно в лихорадке, спросил полицмейстера Авчинникова о

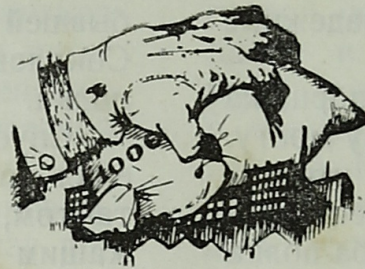
Примечание ред.: прапорщику Носкову было не 19, а 24 года.

том, приняли ли меры к уборке убитых крамольников, и куда их убирают. Получил от Авчинникова ответ, что всех убитых крамольников на телегах свозят в земскую больницу, раненых развозят по госпиталям. Всех убитых на мосту подобрано 28 человек. После этого полковник Смирнов приказал дежурному по полку офицеру принять всех убитых под охрану учебной команды полка, а по городу пустить патрули, и никаких сборищ не допускать, подозрительных лиц задерживать и сдавать в полицию. Место расстрела поручил полицмейстеру Авчинникову оцепить казаками, пожарным командам на месте расстрела кровь смыть водою и после засыпать песком, что и было выполнено.

Из штаба полетели телеграммы в штаб войск московского военного округа, что на воинскую заставу под командой прапорщика Носкова напала толпа забастовщиков с целью отнять оружие, вследствие чего для защиты себя и заставы прапорщик Носков применил оружие, открыв стрельбу, чем и разогнал толпу забастовщиков. После разгона толпы на месте осталось 28 чел. убитых и около 40 чел. раненых, подробное донесение мы доставим нарочным.

В дальнейшем в штабе полка пошла работа, восхваляя геройство прапорщика Носкова.

Н. Поляков.

Воззвание Областного Комитета Р. С. Д. Р. П. (большевиков),

разбросанное в рабочих поселках Иваново-Вознесенска 22 августа 1915 г.

«Товарищи рабочие и солдаты! Братоубийственная война все разрастается, да разрастается. Все, что только есть цветущего, здорового и работоспособного принесено уже ни алтарь войны в интересах буржуазии. Льются слезы вдов, сирот и матерей. Голод, нищета, разорение и произвол царят всюду. Правительству мало тех миллионов регулярных воинов, запасных, перворатников и новобранцев 15 и 16 года, которых погнали в первую очередь и уложили на поле брани. Оно забирает туда на убой и неокрепших еще 18 летних юношей, а за ними погонят ратников второго разряда. На убой отправляют последних работников, кормильцев семей. Но для чего же все это? За что пролито это море народной крови? Ведь война не была нужна ни немецкому, ни русскому рабочему. Он знает лишь одну борьбу—борьбу классовую, лишь одного врага—буржуазию. Так кому же была нужна война?

Буржуазии. Эта война—борьба буржуазии одного государства за господство над другим, за преобладание на мировом рынке. И вот пока миллионы наших товарищей погибают на поле брани за дело буржуазии—сотни тысяч хорошо обмунди-

рованной и откормленной полиции и жандармерии, упитанной кровью и потом народа, стоит на страже интересов той же буржуазии и расправляется внутренним врагом—сознательным пролетариатом.

Сибирские тундры и тюрьмы переполнены. Туда загнали представителей народа, туда все еще тянутся, гремя кандалами, бесконечные вереницы наших товарищей. В эту трудную минуту перед нами возникает вопрос: так что же нам делать?

Послушаться ли призыву правительства, позабыть партийную рознь и пойти на братоубийственную войну верным слугам царизма?

Нет, товарищи!

С правительством не может быть никакого примирения. Мы до конца останемся его врагами.

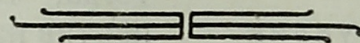
Подчиняясь силе, нам придется взять в руки оружие и направить против своих иностранных товарищей по несчастью. Но будем же помнить тогда, товарищи, что в неприятельских окопах против нас такие же пролетарии, как и мы, насильно взятые и живущие мыслью повернуть оружие в обратную сторону и превратить буржуазную войну в гражданскую. Этою благородною мыслью живет и наш народ. Но нужно эту мысль осуществить

на деле. Надо смести всех палачей от царя и министра до урядника надо на развалинах деспотизма и варварства водрузить знамя свободы, мира и братства народов. И теперь время упускать нельзя. Так будем же помнить об этом товарищи, уходящие на дикую битву за врагов своих. На фабриках и заводах, в казармах и окопах будем напоминать об этом другим товарищам, будем сплочаться в нелегальные организации вокруг красного знамени социал-демократии. И когда революционная волна охватит Россию, не поднимем по приказу правительства оружия на товарищей своих. Будем прислушиваться к голосу социал-демократии и при первом удобном случае против нашего настоящего врага—правительства—превратим эту братоубийственную резню в гражданскую войну, в Революцию.

Рабочие и солдаты! Преступление упускать время. В наших руках лучшая жизнь, свобода и право. Чем помирать за врагов своих, померем на баррикадах за постоянный мир, за свободу.»

Объявление Владимирского губернатора, расклеенное 22 августа.

«По дошедшим до меня сведениям, на некоторых фабриках города Иваново-Вознесенска происходит брожение рабочих, грозящее вылиться в забастовку. Признавая, что в настоящее тяжелое для родины время, когда каждый час бездействия фабрик отягощает и без того трудное положение наших братьев—воинов, всякое прекращение работ наносит непоправимый вред России и доблестной армии и служить только лишь на пользу нашим врагам,—предлагаю широко оповестить рабочих и все население города Иваново-Вознесенска, что мною будут приняты самые энергичные меры к недопущению беспорядков. Пусть всякий знает, что в подавлении беспорядков я не остановлюсь принять самые крайние и решительные меры, но при этом выражаю твердую уверенность что рабочие и все жители гор. Иваново-Вознесенска, проникшись важным настоящим моментом, сами поймут весь вред и не допустят никаких забастовок».

582907/11197
7-50

K000002
.jpg 16.06.13
.pdf 16.06.13

ИЗДАНИЕ
ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОЙ
Рекламно-Издательской Конторы
„РЕКЛАМПРОВИНЦИЯ“
ПРИ ГАЗЕТЕ „РАБОЧИЙ КРАЙ“.

•••••

